

ДЖОСС ВУД

Когда жара невыносима

HARLEQUIN®

KISS™

Поцелуй – Harlequin

Джосс Вуд

Когда жара невыносима

«Центрполиграф»

2013

Вуд Д.

Когда жара невыносима / Д. Вуд — «Центрполиграф»,
2013 — (Поцелуй – Harlequin)

Элли Эванс – владелица булочной на берегу моря – вынуждена справляться с трудностями в одиночку. Коллега ушла в декрет, мама отправилась путешествовать. В довершение всего судьба в лице отца посылает ей Джека Чапмана, израненного военного корреспондента, которому необходимо где-то переждать несколько дней. Джек красив, образован и всегда рад прийти на помощь, однако серьезные отношения не для него. Вспыхнувший роман поначалу кажется им несерьезной интрижкой, но вскоре становится понятно, что их связывает не только страсть. Элли готова изменить свою жизнь ради любви, а Джек, похоже, по-прежнему влюблен в свою работу. Смогут ли влюбленные, пережив разлуку, обрести долгожданное счастье любви?..

© Вуд Д., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джосс Вуд

Когда жара невыносима

If You Can't Stand the Heat...

Copyright © 2013 by Joss Wood

«Когда жара невыносима»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

– Элли, телефон звонит! Элли, ответь! – Голос лучшей подруги Мерри стоял на ее личном рингтоне, и Элли улыбнулась, услышав этот голос.

– Эл?

– А, привет, как там Принцесса? – Элли сортировала накладные, попросту перекладывая их из одной папки в другую.

«Принцессой» Элли называла свою крестную дочку Молли Блу, шестимесячную примадонну, которая вертела весь мир на своем пухлом розовом пальчике. Мерри начала весьма подробный отчет о зубах, подгузниках, бессонных ночах и детском питании. Элли, которая помнила подругу бесшабашной тусовщицей, согласно мычала в нужных местах и думала о своем.

– Ну да, намек поняла. Я скучная, – заключила Мерри в надежде вновь обратить на себя внимание Элли. – Но ты обычно хотя бы делаешь вид, что слушаешь. Что-то случилось?

Подруга со школьных времен, Мерри знала ее, как саму себя. Вдобавок Элли была не только подругой, но и начальницей, поэтому делилась ценной информацией. Сидя в крошечном офисе на втором этаже булочной, Элли закусил губу и уставилась на заваленный бумагами стол. Страх, горький и неумолимый, подступил к горлу.

Она тяжело вздохнула:

– Ханы продали здание.

– Какое здание?

– Это здание, Мерри. У нас шесть месяцев, потом придется съехать.

Мерри тяжело вздохнула:

– Но почему они это сделали?

– Им уже за семьдесят, и, думаю, они устали от суеты. Наверняка получат целое состояние за этот участок, ведь он самый лучший для продажи.

– Одно то, что он находится на перекрестке двух главных дорог в город и прямо напротив самого пляжа в Ложной бухте, еще не делает его самым лучшим.

– Именно это и делает.

Элли посмотрела в окно на пляж, за которым лениво простирался океан. Ужасные новости она узнала еще утром и больше не питала иллюзий о «Пари», булочной, принадлежавшей ее семье более сорока лет. На душе скребли кошки.

– А почему бы не снять здание у новых владельцев?

– Я спрашивала. Чтобы привлечь внимание клиентов, они собираются провести модернизацию, а значит, тут же повысят ренту. Мы просто не потянем. И что всего хуже, Люси...

– Риелтор?

– Именно. Она сказала мне, что здания на продажу большей частью расположены в Сент-Джеймсе и подходящих для булочной-кофейни-кондитерской очень мало, если таковые вообще имеются.

После четырех десятков лет успешной работы на территории Сент-Джеймса и Ложной бухты будущее «Пари» оказалось под угрозой, и теперь Элли придется спасти любимую булочную из этой ситуации.

Она понятия не имела, что им, точнее, ей теперь делать.

– Ты маме рассказала? – тихо спросила Мерри.

– Не могу до нее дозвониться. Она уже десять дней не выходит на связь. Думаю, удалилась в пустыню или греется на Гоа, – ответила Элли устало. Главное, что мамы нет рядом, когда дочке и коллеге так нужна ее помощь! – Твоя идея, – напомнила Элли. – Ты ее отпустила. Сказала, ей нужно отдохнуть годик, повеселиться, воплотить свою мечту.

О чем она тогда думала? Но, откровенно говоря, это предложение было чисто символическим, она больше всех удивилась, когда Эшли немедленно побежала паковать чемоданы и бронировать билет на самолет. Элли в жизни бы не подумала, что мама решится оставить булочную, оставить дочь.

– Эл, я знаю, сейчас не лучшее время, особенно в свете происходящего, но больше не могу. Я вынуждена просить тебя об огромном одолжении.

– Что угодно, но в понедельник выйдешь на работу, – заявила Элли. Мерри пекла потрясающие булочки, и Элли очень не хватало ее помощи, когда подруга ушла в декрет.

Повисло неловкое молчание, сердце Элли упало. Нет, только не это!

– Мерри, ты мне так нужна! – взмолилась она.

– Ребенку я тоже нужна, – жалобно произнесла Мерри. – И вообще, я еще не готова выходить на работу. Я выйду, но не сейчас. Может, в следующем месяце. Дочка совсем маленькая, мне нужно быть рядом с ней, ну, пожалуйста! Элли! Скажи, что ты все понимаешь!

«Я понимаю, – подумала Элли, – что никого не взяла на твое место, потому что ты попросила сохранить его для тебя. Я понимаю, что уже замучилась, и покупатели скучают по тебе».

– В следующем месяце? – уговаривала Мерри. – Пожалуйста-пожалуйста!

Элли тяжело вздохнула. Что тут скажешь? Отец щедро снабжает Мерри деньгами, она может позволить себе не работать. Если ей придется выбирать между булочной и Молли Блу, выбор очевиден.

Элли сглотнула и попыталась убедить себя, что, если Мерри не вернется, это ее решение. Они уже большие девочки, их дружба не просто совместная работа, она выдержит, если Мерри уйдет из булочной, но Элли не хотела рисковать. Умом она понимала, что реагирует слишком бурно, но сердцу было все равно.

Слишком уж крупная ставка. Она не может из-за этого лишиться подруги. Держалась шесть месяцев, продержится и еще один. Как-нибудь. Элли закусил губу.

– Хорошо, Мерри.

– Ты самая лучшая. Извини, я убегаю. Принцесса зовет. – И Элли услышала требовательный крик Молли. – Постараюсь зайти в булочную на неделе, обсудим, что делать дальше. Пока-пока! Люблю тебя!

– И я тебя. – Элли услышала гудки отбоя и положила телефон на стол.

– Элли, тебя кто-то ждет у входа.

Она взглянула в оживленное лицо Саманты, сотрудницы булочной, затем бросила хмурый взгляд на часы. Заведение закрылось десять минут назад, кто бы это мог быть?

– Кто меня ждет?

Саманта пожала плечами:

– Без понятия. Он сказал, что его прислал твой отец. Он у входа, а нам пора по домам.

– Спасибо, Самми. – Элли повернулась и окинула хмурым взглядом экраны за спиной. У входа в магазин, а также в булочной и кладовой были установлены камеры, выводящие пять изображений на мониторы.

Элли вздернула брови, увидев его по ту сторону дисплея. Рюкзак на широченных плечах, лицо покрыто недельной щетиной, золотисто-каштановые волосы взъерошены.

Джек Чапман. Ну да, она удивилась, как положено. Любая женщина, смотревшая новости по одному из центральных каналов, узнала бы это волевое лицо под копной растрепанных волос. Элли не знала, чему он больше обязан своей популярностью – превосходным, весьма информативным военным репортажам или внешности.

Грязные, поношенные, низко сидящие джинсы, ботинки еще грязней. Черная рубашка навыпуск. Он провел рукой по волосам и, заметив расстегнутую молнию на кармане рюкзака, наклонился ее застегнуть. Элли увидела мышцы, играющие под тонкой футболкой, изгиб крепких ягодиц, сильную коричневую от загара шею.

Ах! Стоп, надо успокоиться! Взять себя в руки! Столько важных вопросов. Почему он здесь, что ему нужно и о чем, черт возьми, думал ее отец?

Саманта снова стукнула по дверной раме. Элли подняла голову. Девушка застенчиво топталась в дверях, покусывая губу. Элли узнала этот взгляд.

– Что случилось, Самми?

Саманта округлила карие глаза:

– Я знаю, что должна завтра вечером остаться здесь и помочь тебе с птифурами для показа мод, но...

– Но?

– Мне предложили билет на «Linkin Park», любимую группу. Билет бесплатный. Ты же знаешь, как я их люблю!

Элли собралась было читать мораль о том, что нужно нести ответственность за свои слова, но девчонке всего-то девятнадцать, а «Linkin Park» есть «Linkin Park». Вспомнила себя в этом возрасте. Она тогда любила концерты, ревущую музыку и давку!

Вдобавок Саманте приходится оплачивать учебу в институте, она не может себе позволить дорогой билет. Девушка запомнит этот день навсегда. Ну, поработает Элли на два часа дольше. В конце концов, для нее это не вопрос жизни и смерти.

– Ну что ж, ты свободна, – и Элли вздрогнула от душераздирающего визга Саманты, – но только сегодня. А теперь проваливай.

Услышав, как девушка с радостными воплями несется вниз по лестнице, Элли улыбнулась, но улыбка угасла, стоило ей снова бросить взгляд на монитор. Нахмурившись, она достала мобильный и быстро прокрутила список контактов, прежде чем нажать на зеленую кнопку.

– Элли, привет. – Низкий голос отца донесся до нее сквозь километры.

– Папа, что в моей булочной делает Джек Чапман?

Отец с облегчением вздохнул:

– Он уже там? Отлично. Я беспокоился.

«Еще бы тебе не беспокоиться», – подумала дочь. Последние десять лет, начиная с ее восемнадцатилетия, у отца только и было разговоров, что о Джеке Чапмане, дескать, он всю жизнь мечтал о таком сыне.

– Это воплощение новых поколений военных корреспондентов, – повторял он. – Стойкий, беспристрастный. Всегда готов рискнуть, не заботясь о собственной безопасности, ищет новых и новых приключений, не поддается эмоциям в поисках правды, бла-бла-бла.

– Так почему он здесь?

«И почему, кстати, ты мне позвонил, только когда тебе что-то от меня понадобилось? – подумала она. – Ой, подожди, ты ведь и не звонил вовсе. Только прислал своего любимчика и ждешь, что я выполню любую твою прихоть».

Что-то меняется, что-то остается прежним.

– Он брал интервью у сомалийского военачальника, и что-то пошло не так. У Джека отняли все, деньги и кредитки, а потом под дулом пистолета отправили в США с целью оказания помощи в Кейптауне, – сдавленным голосом сказал Митчелл Эванс. – Надеюсь, у тебя он сможет найти приют.

«Папа! Неужели у меня на шее висит табличка «Сдам жилье»?»

Элли, доведенная до отчаяния своей привычкой во всем потакать отцу, попыталась сказать «нет», но с языка слетели совсем другие слова:

– Надолго?

– Ну, тут такое дело, солнышко...

Черт возьми! У отца «такое дело». Почему-то по отношению к ней это никогда не работало.

– Джек помогает мне в работе над книгой о частной жизни военных репортеров, в том числе моей.

Очень интересно, но она-то здесь при чем? Однако Митчелл не любил, чтобы его перебивали, потому Элли волей-неволей пришлось дослушать до конца.

– Ему нужно пообщаться с членами моей семьи. Я думаю, ты могла бы немного поговорить с ним, рассказать о жизни со мной.

Что? О жизни с ним? О какой жизни с ним? С самой женитьбы дом был для отца скорее прачечной, чем домом. Вся его жизнь проходила в разъездах, причем он выбирал те места, откуда люди пытались уехать. Ирак, Газа, Босния. Домой заезжал редко и ненадолго. Его страстью, единственной настоящей любовью была работа.

Обида подступила к горлу. Увлеченный событиями мировой значимости, Митчелл пропустил все важные события в ее жизни. Рождественские концерты, балетные выступления, спортивные соревнования – всего и не перечислить. Да и как он мог участвовать в жизни дочери, когда нужно было описывать, анализировать, изучать гораздо более серьезные проблемы?

Он никогда не осознавал, что всегда был для дочери источником раздражения и неуверенности в себе. Элли вздрогнула, поймав себя на этой мысли. Детство, проведенное с Митчеллом, было тяжелым и грустным, но оно закончилось. Однако в подобные минуты старые обиды всплывали снова.

Отец продолжал гнуть свое. Элли попыталась сосредоточиться на его болтовне.

– Мы с редакторами хотим, чтобы Джек рассказал и о себе, ведь он лучший из репортеров нового поколения. Правда, говорить с ним на эту тему все равно что искать воду в пустыне Гоби. Он в этом не заинтересован. Для меня, когда мы только встретились, он оказался загадкой. Так ты поговоришь с ним обо мне? – уточнил Митчелл.

Черт возьми! Почему она должна это делать?

– Может быть, – оба знали, она согласна, – но, пап, нельзя вешать на меня всех сирых и убогих!

Можно. Еще как можно, потому что он – Митчелл Эванс, а она – бесхарактерная девочка.

– Сирых и убогих? Джек далеко не...

Элли схватила за голову. Сможет ли она на время забыть об этом? Важно то, что один из коллег Митчелла Эванса стоит в дверях, и только от нее зависит, впустить его или нет. Учитывая, что отец обидится, надуется и следующие двадцать лет будет напоминать ей об этой истории, проще, в самом деле, предоставить парню ночлег и заслужить одобрение отца на каких-нибудь двадцать секунд. Если бы только...

«Если бы только его коллеги были нормальными», – подумала Элли. Последний, кому она любезно предоставила кров (тоже по просьбе отца), выпил все запасы вина и стал распускать руки. Спасибо, тут же уснул на персидском коврикe, урод. Все ее знакомые кинооператоры, продюсеры и корреспонденты, включая отца, были странными, неадекватными, ненормальными или чокнутыми. Она поняла: это неперемнная составляющая тех, кто имеет дело с катастрофами и конфликтами мирового масштаба.

Отец, коснувшись любимой темы, заговорил оживленнее:

– Джек – отличный парень. Он, вероятнее всего, не спал несколько дней, не ел неделю, как следует. Кровать, еда, ванна. Это не так много, особенно для тебя, потому что ты хороший человек, моя милая, милая девочка.

Милая, милая девочка? Ха!

Милая, милая дурочка, так надо сказать.

Элли снова окинула взглядом Мистера Секс-Бомбу. «Ради такого и умереть не жалко», – подумала она.

– Вы вообще знакомы? – спросил Митчелл.

– Видела его мельком на твоей свадьбе со Стефф.

Стефф, третья жена, продержалась шесть месяцев. Элли было восемнадцать, она то и дело смущалась, и вряд ли Джек ее заметил.

– Да... Стефф. Я любил ее. До сих пор не понимаю, почему она ушла. – Отец весьма правдоподобно изобразил недоумение.

«Да, папочка, вот так загадка. Может, ей, как и мне, не нравилось, что ты в разъездах пять месяцев из шести? Может, ей хотелось видеть тебя не только по телевизору? Может, надоело жить в постоянном страхе за твою жизнь? Это не сахар – жить с человеком, влюбленным только в свою работу».

Элли, ее мать и две последующие жены всегда были для отца на втором плане. Год за годом. История повторилась, когда она встретила Даррела.

Она поклялась, что никогда не влюбится в журналиста, но, как известно, хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. Ее избранником стал человек, которого она считала полной противоположностью отца, за исключением того, что он так же редко появлялся дома. Хуже того, никогда не покидал Лондон.

«Какой же душой я была, – подумала Элли. – Впрочем, и сейчас ничего не изменилось».

Возможно, когда-нибудь она научится показывать характер.

Элли посмотрела на телефон, обратила внимание на то, что отец не попрощался, и пожала плечами. Вполне в порядке вещей. Она снова взглянула на монитор, прочитала нетерпение во взгляде Джека, заметила, как он сердито топнул ногой. Сложил руки на груди, продемонстрировав тем самым безукоризненные мускулы. Экран выдавал изображение в черно-белом цвете, но она знала: у него карие глаза, иногда отливающие зеленым, золотым, но неизменно притягивающие. Сейчас в них читалось недоумение, усталость и вполне объяснимое раздражение.

Это был уже не тот двадцатичетырехлетний парень. За десять лет он сильно изменился, стал жестче, опытнее. Элли почувствовала, как возбуждение поднялось в ней горячей волной, разлилось по венам и неровно забило сердце. Она закинула мобильный в ящик стола, опустилась на стул и выдохнула. Ее ведь совсем не интересует его высокий рост, потрясающая фигура и лицо, способное остановить движение в центре города. Вот уж точно, беда не приходит одна.

– Джек?

Чапман уже успел как следует осмотреть булочную, голубые полосы на стенах, черные в клетку полы, белые кабинеты, солнечно-желтую доску для серфинга. Он повернулся на звук низкого мелодичного голоса и моргнул. Потом снова моргнул, пораженный тем, что увидел. Вместо неловкой полноватой девочки со свадьбы Митча перед ним предстала такая красotka! Притягивающая взгляд, яркая, знойная, ослепительная красotka. С большой буквы К. Полужирным курсивом. Черные с пурпурными и зелеными прядями волосы ниспадают до талии. Золотой загар, ярко-голубые глаза и волевой подбородок, как у отца. И длинные, стройные ноги прямо от ушей.

– Привет, я Элли. Митчелл попросил меня предоставить тебе ночлег.

Его пульс подскочил. Он с трудом нашел нужные слова.

– Я тебе очень благодарен. Спасибо.

Джек уронил на пол рюкзак и с большим трудом удержался, чтобы не схватиться за сердце. «У тебя не сердечный приступ, придурок ты этакий! – сказал он себе. – Легче, чувак, легче!»

Ну что ж, она оказалась не такой, как он ожидал. Но ведь и его работа полна неожиданностей, так почему его сердце подпрыгнуло, а в горле пересохло?

Джек взял себя в руки, огляделся и сказал, стараясь не походить на неуклюжего подростка:

– Здесь уютно. Так ты владелица этой булочной?

Элли тоже огляделась и с улыбкой ответила:

– Да, мы с мамой партнеры.

– Вот как. – Он окинул взглядом пустые холодильники. – А где еда? Разве здесь нет еды?

Ее улыбка была как удар в солнечное сплетение.

– Выпечку мы почти всю распродали, а мясо уносим на ночь. – Она поправила ремешок огромной кожаной сумки и вежливо поинтересовалась: – Как долетел?

Сидеть в полувоенном транспортном самолете, страдая от головной боли и боли в ребрах? Просто изумительно.

– Нормально. Спасибо.

Какое там нормально? Он чудовищно устал, тело болело так, будто внутри была раскаленная кочерга. Ужасно хотелось помыться и выспаться, наконец. Взгляд Джека упал на холодильник с напитками, и ему до смерти захотелось кока-колы. Элли поймала этот взгляд и с улыбкой указала на холодильник:

– Угощайся.

Джек нахмурился:

– У меня денег нет.

– За счет заведения.

Он тут же полез в холодильник. Терпкая, сладкая жидкость освежала. Может быть, сахар и кофеин дадут ему заряд энергии на пару часов?

Осознав, в каком положении оказался, он выругался сквозь зубы. Даже не может заплатить за несчастную банку кока-колы. Видимо, придется жить за счет Элли, пока ему не вернут кредитки. Джек поморщился, почувствовав себя бессильным, беспомощным. Одно радовало: такое положение продлится всего пару дней. Джек ненавидел быть кому-то обязанным.

Он допил кока-колу и огляделся в поисках мусорного ведра. Элли забрала у него банку и выбросила.

– Если хочешь, бери еще.

– Нет, спасибо.

Она подняла глаза, их взгляды встретились. Она показалась Джеку потрясающим сочетанием Востока и Запада. Загорелая кожа от предков с Гоа, голубые глаза и волевой подбородок от отца-ирландца. На таких девушек нужно вешать знак «Осторожно, опасность». Длинные ноги, тонкая талия, потрясающий бюст.

Язык тела был хорошо знаком Джеку. В ее глазах он прочитал беспокойство, смущение и даже некоторое недовольство. Мог ли он ее винить? Он здесь чужой.

– Классный декор, – сказал он, пытаясь разрядить обстановку. На стене висело огненно-красное каноэ, оплетенное яркими цветами вроде маргариток. – Никогда раньше не видел декорированные каноэ, как и доски для серфа.

Элли хихикнула:

– Ну да, возможно, это перебор, зато интересно!

– Цветы совсем как настоящие, – одобрил Джек.

– А зачем нужны цветы, не похожие на настоящие?

Он никогда не задумывался о цветах.

– А что это за надписи на каноэ?

Элли пожала плечами:

– Не знаю, я его купила таким.

Джек опустил руку в карман и вздрогнул, услышав сигнал такси. Черт возьми, он совсем забыл! Что за унижение! Одно дело – выпить банку кока-колы, и совсем другое...

– Слушай, мне очень стыдно, но тут такое дело... ты не могла бы заплатить за такси? Деньги я верну, обещаю.

– Конечно. – Элли вынула из сумки кошелек и вложила пару купюр в раскрытую ладонь.

Когда ее пальцы коснулись руки Джека, словно огонь пробежал по его жилам. Сильно влекло к этой девушке, и ничего нельзя было с этим поделать.

Черт побери! Не очень-то приятно испытывать влечение к любимой дочери начальника, которой многим обязан и которую больше никогда не увидишь.

«Не обращай внимания. Ты взрослый человек, должен держать себя в руках».

Отдавая деньги таксисту, он увидел сквозь раскрытую дверь, как Элли тащит его рюкзак. Невзирая на боль, он побежал за ней, настиг и забрал мешок. Гнусные бандиты отняли его iPad, мобильный и спутниковый телефоны, деньги и кредитки, но зато оставили грязную одежду. Он бы с удовольствием отдал им и это.

– Я закрою магазин, и пойдем. – Элли исчезла за дверью.

Джек ждал ее возле бассейна, где в лучах вечернего солнца плавали ярко-розовые цветы. Он заметил любовь Элли ко всему яркому, об этом свидетельствовали разноцветные волосы и необычный дизайн булочной.

Митчелл упомянул о работе дочери. Джек представлял себе хозяйственную, толстую, румяную, безвкусно одетую особу, но уж никак не стройную, яркую и сексуальную девчонку. Даже украшения были необычными – бусины всех от тенков голубого на нитях разной длины. «Счастливые бусы, им довелось касаться этой груди», – подумал бы он, не покажись ему эта мысль чересчур пафосной.

Он посмотрел на широкий пляж, простиравшийся через дорогу, и не смог сдержать улыбки. Был теплый летний вечер, около половины седьмого, на пляже было полно народу.

– Когда садится солнце? – спросил он.

– Поздно. Где-то в половине девятого. Я живу так близко от работы, что добираюсь пешком, мой дом вон там, на холме.

Джек оценил расстояние и вздохнул. Для полноты картины не хватало тащиться с тяжелым рюкзаком на холм. Что еще принесет ему этот день?

Он снова вздохнул:

– Пойдем.

Элли надела огромные солнцезащитные очки. Они прошли мимо антикварного и книжного магазинов, старомодной на вид аптеки. Он мог бы купить кое-какие лекарства, но это вызвало бы подозрения и глупые вопросы продавцов. Джек молчал, ждал, что заговорит Элли. В конце концов, ее хорошие манеры взяли верх над застенчивостью.

– Так что с тобой случилось?

– Разве отец тебе не сказал?

– Только то, что тебя избили и ограбили. Пришлось покинуть Сомали, и ты вынужден остановиться здесь.

К счастью, Митчелл не рассказал ей всех деталей. Джек задал военачальнику вопрос об угоне самолетов, и тот взорвался. Просто взбесился от злости, велел охранникам с ним разобраться. Шестеро на одного, да уж. Джек вздрогнул при воспоминании об этом.

– Я могу тебе чем-то помочь, кроме ночлега?

Этот вопрос вернул его к реальности.

«Провести ночь с тобой, вот чего бы мне хотелось». – Черт возьми, о чем он думает? Джек покачал головой, отгоняя эту мысль.

– Нет, мне бы только перекантоваться тут пару дней. Может быть, воспользоваться твоим мобильным, компьютером, адресом, куда доставят мои кредитки.

– У меня есть лишний мобильный, и я охотно предоставлю тебе старый ноутбук. Адрес напишу. У тебя дедлайн?

– Вовсе нет, просто небольшая статья в политический журнал.

Элли удивленно подняла брови:

– Я думала, ты только на телевидении работаешь.

– Иногда приходят предложения от газет и журналов. Пишу статьи в свободное от репортажей время.

Элли сняла очки и удивленно посмотрела на него:

– Как же ты собираешься писать статьи? Заметки-то у тебя тоже отняли?

– Я перекинул их на флешку до того злополучного интервью. Флешка у меня в ботинке. Так вот какие меры он вынужден принимать, ведя репортажи из стран третьего мира.

– Но хоть паспорт они тебе оставили?

Джек хмыкнул:

– Будь их воля, забрали бы и паспорт.

Элли покачала головой:

– Чумовая у тебя работа.

Что верно, то верно, и он любит эту работу. С рюкзаком на спине, уклоняясь от пуль и бомб, идти вперед за редкой и остро необходимой информацией.

– Митчелл всегда говорил, что самый ценный опыт – сидеть в гостинице в Могадишо или Сараево, где нет воды и электричества, и играть в покер с местными жителями под музыку выстрелов и взрывов. Я никогда этого не понимала.

Джек уловил нотки горечи в ее голосе и сказал как можно деликатнее:

– Многие люди видят подобное в кошмарах, это и есть кошмар для тех, кто живет и работает в этих местах. Тем не менее безумно интересно, ведь все происходящее войдет в историю.

И смерть его не пугает. Как-то она уже улыбалась ему. Нет, его убила бы работа по графику пять-два, скучная и однообразная. Изо дня в день, один и тот же пейзаж за окном, одни и те же лица. Нет, смерть его не пугает. Ему удалось ее обмануть, он стремился следовать обещанию прожить полную, яркую и интересную жизнь, данному самому себе. Джек почувствовал ком в горле. Ему удалось выжить только потому, что смерть забрала другого.

Его размышления прервал голос Элли:

– Мы пришли.

Джек с облегчением вздохнул. Слава богу! Он так измучен, что вряд ли смог бы продолжать путь.

Элли устало закрыла глаза. Джек заметил, как она напряжена, как плотно сжимает губы. Девушке явно не по себе. То, что поначалу показалось смущением, на самом деле было нервозностью. Джек понял бы это и раньше, не будь он настолько изнурен. Теперь же нервозность усилилась.

– Очевидно, ты совсем мне не рада, – сказал он, поставив на землю рюкзак. – Прости, я сразу не догадался. Мне бы лучше вызвать такси до аэропорта.

Элли сунула руки в карманы шортов.

– Ну что ты, Джек, я же обещала помочь тебе.

– Я не нуждаюсь в благотворительности, – прошипел он сквозь сжатые зубы.

– При чем тут благотворительность? – Элли зевнула и потерла глаза. – Просто был трудный день, я устала.

Дело, конечно, не в этом. Чувствовалось, что ее нервы натянуты до предела, как гитарная струна. Он взял себя в руки и мягко сказал:

– Я не хочу доставлять тебе неудобств и без труда подожду Митчелла в аэропорту. Мне нетрудно.

Элли выпрямилась и посмотрела ему в глаза:

– Извини, пожалуйста. Все дело во мне. Твой приезд пробудил кое-какие давние воспоминания. Предыдущий коллега отца, остановившийся у меня, оказался пьющим и развратным режиссером. Гонялся за мной по всему дому, представляешь?

Он улыбнулся как можно дружелюбнее:

– Бывает. Эти режиссеры такие уроды, правда, их нельзя послать куда подальше.

Элли тоже улыбнулась. Его улыбка располагала, и напряжение понемногу начало отпускать.

– И, кроме того, я не очень-то в восторге от идеи Митчелла обсуждать с тобой его книгу.

– Его книгу?

– Ну да, которую ты помогаешь ему писать.

– Я помогаю ему писать? Он так и сказал?

С ума сойти. Хотя, с другой стороны, чему удивляться? Вполне в духе Митчелла. Конечно, на обложке будет указано его имя, как и имя Кена Бейнса, но, черт возьми, автор-то Джек! Теперь понятно, почему Митчелл решил поднять ему зарплату.

– Твой папа, ты меня извини, подчас хуже занозы в заднице.

– То есть ты не хочешь обсуждать его со мной? – В голосе Элли зазвучала надежда.

Джек грустно улыбнулся и покачал головой:

– Не хочу, но придется.

Он откинул волосы со лба и задумался о книге. Удивительную историю Кена он уже описал и находился в процессе описания истории Митчелла. Слава Богу, о себе писать не придется, удалось переубедить коллег. Открывать кому-то душу – все равно что соглашаться на операцию без наркоза. Все-таки он лицемер. Лезть в чужую душу, можно сколько угодно. Его же пусть никто не трогает.

Элли все еще нервничала. Джек не мог ее винить, как-никак, чужой человек в ее доме.

– А насчет того, чтобы гоняться за тобой по всему дому, это явно не ко мне. Я сейчас свалюсь как труп, и больше ничего.

Элли окинула его долгим взглядом, и на ее лице расцвела улыбка. Это был удар в самое сердце Джека. Но какой прекрасный удар.

Глава 2

Вымощенная лавандовой плиткой дорога привела их к скромному двухэтажному домику в несколько старомодном стиле. Деревянные окна, широкая веранда и в особенности буйный сад, окруженный высокой кирпичной стеной, придавали ему особое очарование.

У Джека никогда не было такого уютного дома. Да что там, вообще никогда не было дома. Есть квартира, заставленная нераспечатанными коробками. Он там почти не появлялся. Пустая, безликая, она мало чем отличалась от комнаты в отеле, но Джек не из тех, кто привязывается к материальным ценностям. Впрочем, он вообще ни к чему и ни к кому не привязывался.

– Тут уютно, – отметил он, поднимаясь по лестнице на закрытую веранду.

Элли вынула из кармана шортов связку ключей. Да, здесь и впрямь очень уютно. Очаровательный домик. Под стать владелице.

– Дом принадлежал моей бабушке. Я получила его в наследство.

Джек посмотрел с веранды, у него перехватило дыхание. Боже мой, какой вид!

– Это просто потрясающе, – выдохнул он, прислонившись к деревянной балке. Вдали виднелась полоска бесконечного пляжа, за ней сонный сине-зеленый океан.

– Где мы находимся? – спросил Джек.

– У побережья Ложной бухты, в двадцати минутах ходьбы от Кейптауна. Отсюда пляж виден на тридцать километров. Вон там, – Элли указала пальцем, – Кейк-Бей, а ближе к югу Майзенберг.

– А что за яркие кабинки по всему пляжу?

– Для переодевания. Симпатичные, правда? Пляж пользуется огромной популярностью. Если посмотришь чуть севернее, туда, где столики под черно-белыми навесами, увидишь уже знакомую булочную.

– С ума сойти!

– Твоя комната выходит окнами на пляж, а из окна ванной видна Майзенбергская гора. Здесь есть где прогуляться или покататься на мотоцикле.

Их встретили два абсолютно одинаковых белых лабрадора. Отпихнув одного из них, радостно кружившего под ногами, Элли вставила ключ в замочную скважину и открыла деревянную, декорированную стеклом дверь. Повесив сумку на крючок, она жестом пригласила Джека войти.

– Спальни наверху. Ты, я думаю, не прочь принять душ? Хочешь есть? Пить?

От него, вероятно, несло как от мусорной свалки.

– Умираю, как хочу помыться!

Он поднимался вслед за ней по деревянной лестнице, и окружавшие его цвета стали светлее. Она открыла дверь в комнату для гостей, и его глазам предстали двуспальная кровать под бело-лавандовыми простынями, пастельных оттенков стены и рыжий кот, свернувшийся на пурпурном покрывале.

– Знакомся, это Хаос. Ванная за дверью.

Элли взяла кота на руки, как ребенка. Джек почесал его за ухом. Хаос сонно моргнул.

Элли открыла окно и впустила в комнату свежий воздух. Джек уронил рюкзак на деревянный пол и подождал, пока перед глазами перестанут мелькать черные точки. Как сквозь туман, он услышал какой-то ее вопрос и постарался ответить, как положено. К счастью, она вовремя вышла из комнаты, иначе он в буквальном смысле свалился бы к ее ногам. Элли спустилась по лестнице, вошла в кухню и набрала номер подруги. Мерри ответила сразу:

– Я знаю, ты расстроилась из-за меня с моим декретом.

– Заткнись ты! Есть дело важнее! – прошипела Элли в трубку. – Митчелл прислал мне мужчину!

– Вот как? – хихикнула та. – Отец тебя уже и мужчинами снабжает? Ты настолько безнадежна? Дай-ка подумать, ну да, так и есть!

– Да ну тебя. – Элли покачала головой. – Мой дом опять в роли кейптаунского отеля. Я не раз выручала бездомных коллег отца, но в этот раз он прислал мне Джека Чапмана!

– Красавчика-репортера? – В голосе Мерри звучала нескрываемая зависть. – Ну и?

– Что ну и?

– Ну и какой он?

– Цинично очарователен. Восхитителен. Потрясающая способность разговаривать собеседника. Неудивительно, что он потрясающий репортер.

Да, циничное очарование в подобной оболочке поистине обезоруживает.

– Ну да, – протянула Мерри, – видимо, на тебя он произвел неизгладимое впечатление. Даже говоришь с придыханием.

С придыханием? Ничего подобного! Однако почему-то взволнована, смущена и одновременно, черт возьми, напугана. Джека ей бояться нечего, он джентльмен до кончиков ногтей. Нет, она боится саму себя. Это первый мужчина за столько лет, пробудивший в ней особые чувства. Но ведь не скажешь Мерри, что...

– Ты к нему явно равнодушна, – заключила подруга.

Элли терпеть не могла, когда кто-то читал ее мысли и вдобавок озвучивал.

– Ничего подобного. Просто все это так неожиданно. И если бы я даже...

– Кого ты обманываешь?

– Он слишком красивый, слишком сексуальный, у него отвратительная работа, и через два дня он исчезнет из моей жизни.

– Да, но он и впрямь шикарен. Я как раз читаю про него в Интернете.

– Чем ты занимаешься? Перестань сейчас же и сконцентрируйся!

Эта фраза была обращена не столько к Мерри, сколько к ней самой.

– По-твоему, мне больше заняться нечем, кроме как мечтать о нем? И вообще, у меня не очень-то складываются отношения с противоположным полом.

– Ну да. Ты боишься подарить им свое сердце и получить его обратно, разбитое и изувеченное?

Цитата из монолога самой Элли. Та скорчила гримасу.

– В яблочко! И редкостная красота им не поможет! Мне уже хватило общения с отцом и бывшим, не хочу, чтобы история повторилась.

– И все-таки она повторится. Как думаешь, почему?

– Потому что меня к нему тянет! – выпалила Элли. – Закон подлости какой-то. Все мужчины, которых я нахожу потрясающими, разрушают мою жизнь!

Подруга молчала, и Элли заговорила снова:

– Ты тоже так думаешь?

– Нет, – рассмеялась Мерри, – в данном случае молчание не знак согласия. Я просто в шоке от твоей глупости. Всякий раз, как тебе попадается красавец мужчина, ты бежишь как от огня. Верно?

– Ты меня раскусила, – буркнула Элли.

– Но что ты будешь делать, столкнувшись с таким мужчиной в пределах собственного небольшого домика?

Услышав в трубке истерический гогот, Элли отключила телефон. Да уж, с такими подругами...

Возвращаясь в гостевую комнату с полотенцами в одной руке и бутылкой пива в другой, Элли услышала громкий стон и заглянула в щелочку. Джек, странно бледный, сидел на кровати и пытался расстегнуть воротник рубашки, холодный пот покрывал его лицо.

Ворвавшись, Элли бросила полотенца на кровать, протянула ему пиво и выдохнула:

– Ты в порядке?

Джек сделал большой глоток и прижался щекой к холодному стеклу бутылки.

– Ну да, а что?

– Я видела, с каким трудом ты тащил рюкзак. Всю дорогу морщился. Еле-еле поднялся по лестнице. А сейчас сидишь на кровати весь бледный, руки трясутся.

Джек почесал шею.

– Да, пожалуй, меня немного помяли, – признался он наконец.

– Что? Как это – помяли?

– Слегка. Жить буду. – Джек поставил опустевшую бутылку на пол и снова взялся за воротник рубашки. Элли смотрела на него с осуждением.

– Тебе помочь? – спросила она, наконец.

– Справлюсь как-нибудь, – промычал он.

Но он не справился. Подойдя поближе, Элли помогла ему стянуть рубашку через голову. Ее глазам предстало потрясающее тело, покрытое черно-синими, как грозовые тучи, синяками. Через всю грудь шел вертикальный шрам от перенесенной операции, а спина в таком состоянии, что Элли не сдержалась и ахнула. На загорелой коже отчетливо проявлялись следы ботинок.

– Как он выглядит, этот урод? – спросила она.

– Уроды. К сожалению, лучше, чем я. – Джек запустил рубашкой в рюкзак. – Сомалийцы оставили мне неплохие сувениры на память.

Джек сел на край кровати и, тяжело дыша, расшнуровал кроссовки, затем стащил их и криво улыбнулся Элли:

– Вот видишь, все в порядке.

Но нет, ее не провести.

– Что-то сломано?

Джек покачал головой:

– Думаю, задела пару ребер. Бывало и хуже.

Элли покачала головой:

– Куда еще хуже?

– От пули больше вреда. – Джек поднялся и медленно побрел в ванную.

Элли ахнула:

– В тебя что, стреляли?

– Дважды. Жуть, как больно.

Вслушиваясь в шум воды, Элли погрузилась в воспоминания. Когда ей было четырнадцать, она проводила каникулы в Лондоне с отцом и бабушкой Джинджер, его мамой. Митчелл улетел в Боснию на интервью и вернулся санитарным самолетом, раненный в бедро. Он потерял много крови и несколько дней провел в реанимации.

Не самые лучшие каникулы в ее жизни.

Джек, как и Митчелл, придавал своим ранам не очень большое значение. Как и для отца, опасность для него была адреналином.

– Ты понимаешь, что мог погибнуть? – возмутилась Элли, хотя по большому счету ее не должно было это волновать.

Джек вернулся в комнату, вытер лицо полотенцем и пожал плечами:

– Вряд ли. Они паршивые снайперы.

Элли вздохнула. Она никогда не понимала, почему люди не боятся смерти, боли и опасности. Джек предпочитал работать один, отказывался от защиты армии или полиции, хотел узнавать происходящее из первых уст, интересовался настроениями толпы. Этоставляло счетчик опасности на максимум. Именно поэтому работа военного репортера одна из самых рискованных в мире. Преданность работе или глупость? Находясь под впечатлением от ранений Джека, Элли твердо решила – глупость.

– Пока я не ушла, хочешь есть?

Джек покачал головой:

– Пилот оставил мне пару бургеров. Спасибо.

– Хорошо. Если что-то понадобится, я внизу.

Она не смогла устоять перед искушением окинуть взглядом его живот. Как она и полагала, мускулатура у него великолепная. Ее внимание отвлек окровавленный бинт на бедре, закрепленный лишь ремнем джинсов. Она поджала губы.

– А это еще что такое?

С завидным самообладанием он расстегнул пуговицу джинсов, опустил ниже трусы и снял повязку. Элли вздрогнула. Над татуировкой, изображавшей нож и разбитое сердце, кровоточил глубокий рубец.

– Неслабо, – сказал он, коснувшись раны пальцем.

– Что это? Ножевое ранение?

– Ну да. Вот убудки.

– Ты вроде совершенно спокоен, – удивилась Элли.

– Я всегда спокоен.

«Слишком спокоен», – подумала она.

– Джек, нужно наложить шов!

– Это лишнее, Элли. Нужно как следует промыть, обработать антисептиком (всегда ношу с собой) и заменить повязку, только и всего.

– Кто использует бинты для этой цели?

– Отличная вещь, между прочим. Я набил руку по части самолечения.

Элли вздохнула, когда Джек снял старую повязку, вынул из рюкзака бинт и наложил на еще кровоточащую рану. Она поймала его упрямый взгляд и поняла: он будет стоять на своем до конца. Силой в больницу его не заташат – при его-то телосложении. Придется поверить ему на слово. Пусть занимается самолечением.

– Когда придут мои кредитки, куплю лекарства, – сказал он.

Элли фыркнула.

– Напиши мне список нужных лекарств, я сбегаю в аптеку, куплю. И конечно, деньги потом отдашь.

Джек, казалось, сомневался. Элли едва удержалась, чтобы не стукнуть его по затылку.

– Джек, тебе это необходимо!

Он уставился в пол, опустив широкие плечи. Согласиться – значит проиграть. Но, наконец, он вынул из рюкзака блокнот и ручку и четким, красивым почерком написал полный список всего, что требовалось. Вручив Элли список, смущенно заглянул ей в глаза. Он проявил беспомощность. Опять.

Мужчины...

Зазвонил ее мобильный. Элли нахмурилась, номер был незнакомым. Низкий, определенно женский голос попросил позвать Джека. Кто, черт возьми, знает о его местонахождении? Но, с другой стороны, в среде военных репортеров новости распространяются быстро. Особенно когда за дело берется ее отец.

Элли передала мобильный Джеку. Кто, интересно, звонит? Голос хриплый и весьма сексуальный. Любовница? Коллега? Подруга?

– Привет, мам.

Значит, мама. Элли вышла из комнаты, неприятно пораженная силе облегчения.

Джек, скрипя зубами, поднес телефон к уху. Ему до смерти хотелось выспаться. Неужели он и этого не заслужил?

– Я неделю не могла с тобой связаться! – истерически взвизгнула мать.

– Мам, ну мы же договаривались. Ты начинаешь волноваться только через три недели. – Он изо всех сил старался быть вежливым. Родителям много пришлось пережить из-за него, но, честное слово, чрезмерная забота матери раздражала.

– Ты ранен? – Рей спросила в упор.

Он так и не научился ей врать.

– Дай мне поговорить с отцом, мам.

– Значит, ранен. Дерек! Джек ранен!

Джек услышал в трубке ее сдавленные рыдания, а затем спокойный, как оазис, голос отца:

– Ты ранен?

– Ну...

– Куда?

Куда только не ранен. Но ведь не жаловаться же, в самом деле!

– Парочка ушибов. Ерунда, в общем. Скажи маме, чтоб не нервничала.

Джек услышал на дальнем фоне ее неразборчивую, взволнованную речь.

– Мама советует тебе посетить доктора Джанса. Записать тебя на прием?

Он уже и забыл, когда обследовался. Из всех сил старался забыть мучения юных лет, но ежегодные диспансеризации напоминали ему об этом. Джек печально опустил голову, но тут снова вмешалась Рей:

– Джек, на прошлой неделе звонили Сандерсоны.

У него упало сердце, к горлу подступил ком. Brent Сандерсон. Джек выжил, потому что погиб Brent. Как с этим жить? Постоянные мысли о том, что он живет чужой жизнью – и единственное оправдание – прожить ее не зря.

– Через шесть недель будет семнадцать лет со дня операции. Brent погиб в семнадцать. – Голос Рей дрожал.

Не нужно было говорить об этом. Джек прекрасно помнит. Им обоим было семнадцать, когда они поменялись сердцами.

– Они хотят устроить вечер памяти. Пригласили нас. И тебя. Мы пообещали прийти. Я сказала, что поговорю с тобой.

Джек тяжело вздохнул, уткнувшись в подушку. Он изо всех сил старался не думать о Бренте, жить дальше, двигаться вперед, но прошлое оказалось сильнее. Джек многое бы отдал, чтобы не идти на этот вечер.

– Весьма любезно с их стороны, но лучше бы мне там не появляться.

– Как ты можешь так говорить?

– Ты думаешь, им приятно будет видеть меня живым и здоровым, прекрасно осознавая, что их сын уже семнадцать лет в могиле?

Они подарили ему сердце сына. Он, как мог, старался облегчить их муки. Это исключало любое общение.

– Они не такие. Они хотят встретиться с тобой. Ты годами откладывал встречу!

– Я не откладывал. Так получалось.

– Я не ошибусь, если скажу, что тебе самому это неприятно, – заключила Рей.

Умная женщина его мать.

– Мам, я постараюсь прийти. Подумаю над этим, когда снова буду в Штатах.

– Ты не в Штатах? – взвизгнула Рей. – Где ты вообще?

Джек скрипнул зубами.

– Твое сюсюканье меня бесит!

– А меня бесит твоя работа! Как ты после такой борьбы за жизнь вообще можешь рисковать?

– Глупо зря прожить жизнь, доставшуюся так нелегко! Я хочу играть с судьбой в русскую рулетку, а ты мечтаешь, чтобы я сидел на одном месте да еще, чего доброго, женился и наплодил детишек! Я ничего не забыл?

– Нет, – проворчала Рей, – но я говорила намного убедительнее.

– Убедительное нытье остается нытьем. Но я все равно тебя люблю, старая ты ворчунья.

– Гадкий мальчишка!

– Пока, мам. – И Джек отсоединился, со злостью швырнув мобильник на подоконник.

Почему родители считают вину и страх мотивом его безбашенного образа жизни? Так и есть. Ну конечно, так и есть. Чем это плохо? Они не понимали, возможно, он сам не мог им объяснить, но именно монотонная, унылая рутина стала бы для него медленной смертью. В четырнадцать из неугомонного, жизнерадостного подростка он превратился в ходячего мертвеца, бледную тень. Большую часть времени проводил в больницах, остальное дома. Не жил, а существовал в те годы. Будь у него возможность вернуться к активной жизни, с какой радостью он ухватился бы за этот шанс! Он хотел все увидеть и испытать. За себя и за Брента.

Любая привязанность – к дому, городу, человеку – стала бы для него адом. Родители хотели, чтобы сын остепенился, но он понимал: ничто и никто не заставит его это сделать. Работать и двигаться вперед – вот что такое настоящая жизнь.

Джек погасил ночник и, разглядывая тени на потолке, старался не вспоминать прошлое. Любимая работа, как обычно, подкинула ему неожиданностей, он оказался в непривычном месте. Но он привык к этому. «Кроме того, знакомство с потрясающей дочерью Митчелла того стоит», – подумал он, закрывая глаза.

В следующую ночь, бессонно глядя в потолок, Джек слушал песню лягушек и трели сверчка за окном. Странное волнение наполняло душу, и он понял, что вряд ли уснет. Он поднялся, натянул джинсы и в темноте побрел к веранде. Сквозь открытые окна услышал шум волн, бьющихся о камни, и вдохнул звеняще-соленый воздух.

Услышав голос Элли, он опустил занавеску, высунулся в окно и увидел, как девушка поднимается на веранду. Она выглядела усталой. Голубой поварской халат был испачкан мукой. Джек взглянул на часы, да уж, возвращаться с работы в половине одиннадцатого – врагу не пожелаешь.

– Джинджер, моя жизнь – фильм ужасов.

Джинджер? Бабушка-ирландка, мать Митчелла?

– Мне просто необходима помощь мамы, но я не могу ее просить. Я по уши в работе, скоро конец месяца, денег нет, вдобавок нужно платить НДС. Мало того, здание булочной продано, надо переезжать, а некуда! В довершение всех бед твой чудесный сын подкинул мне гостя!

Да, она не очень-то рада его пребыванию здесь. Зато притворяется искусно.

– Нет, он-то ничего, – Элли продолжала вещать в трубку, опустившись в кресло. – Бывали и хуже.

Так вот какого она мнения о Джеке? Ничего? Придется над этим поработать.

Свободной рукой Элли полезла в сумку за ключами, но тут свежий ночной ветер разметал бумаги по веранде.

– Черт возьми! Извини, Джинджер, мне пора. Я тут кое-что уронила.

Она поднялась, запустила мобильником в спинку кресла и разразилась бурными ругательствами на арабском. Джек раскрыл рот от удивления, округляя глаза по мере того, как ругательства становились все изощреннее.

Джек решил помочь. Тихонько зайдя на веранду, стал собирать бумаги, разлетевшиеся по всему полу.

– Ты хотя бы догадываешься о значении этих слов? – спросил он, когда она на минутку остановилась перевести дыхание.

Элли непонимающе посмотрела на него:

– Осел, сын осла, дочь осла, ну и все в том же духе.

– Гм, ничего подобного. Сделай одолжение, не употребляй их при арабах, ладно?

Лицо Элли вытянулось.

– Это грубые ругательства, да?

Она сама ответила на свой вопрос.

– Я убью Митчелла! Он научил меня этим словам, когда я была маленькой.

Довольно типично для него с его своеобразным чувством юмора.

– Я так поняла, ты знаешь арабский?

– Ну да.

Способность к языкам он открыл в себе еще подростком. Тогда он ничем, кроме книг, не мог себя развлечь.

Элли посмотрела на него с интересом:

– А еще какие-нибудь языки знаешь?

– Немного китайский. Японский. Сейчас учу русский и дари.

– Дари? Что это?

– Также известный как фарси или афганский персидский. В Афганистане весьма полезен.

Элли была впечатлена.

– Поразительно!

Джек смущенно пожал плечами:

– Многие люди знают два-три языка.

– Но фарси, китайский, русский, с ума сойти. Я в этом плане безнадежна, на родном-то пишу с ошибками.

– Быть того не может.

– Не веришь, спроси у Митчелла. Как он бесился, проверяя мои диктанты! Но, с другой стороны, это ужасно. «Луг» и «лук», «плод» и «плот». У меня от этой ерунды голова болит.

– «Болит» и «болид», – продолжил Джек.

– Ну, уж это ты только что придумал! Что еще за «болид»?

– Метеор. Ярче, чем Венера.

– Боже мой, – изумилась Элли, – у меня дома профессор! Чем я это заслужила?

Польщенный Джек довольно улыбнулся:

– Жизнь полна трудностей.

– Это уж точно, – вздохнула Элли и снова упала в кресло.

Джек присел напротив на каменный выступ.

– Тяжелый день?

– Очень. Как бы тебе объяснить...

– Не надо ничего объяснять. Я слышал твой разговор с бабушкой.

– И много услышал?

– Достаточно. Ты устала, все достало, кто-то продал булочную. У тебя случались гости даже хуже меня.

Даже при бледном свете он заметил румянец на ее щеках.

– Извини, пожалуйста. Митчелл использует мой дом как отель. Дело совсем не в тебе.

– Правда?

Элли окинула его печальным взглядом:

– Правда. Меня раздражают не гости, а его отношение ко мне.

Джек понимающе кивнул:

– Да, у него смутные понятия о значении слова «нет».

– И вдобавок он двадцать восемь лет оттачивал на мне свое мастерство, – сказала Элли мрачно. – Так что, сам понимаешь, дело совсем не в тебе.

– Да понял я, Элли. Расслабься. – Джек улыбнулся. – И кстати, чтобы расслабиться. – Он зашел в дом, открыл бар, нашел штопор и вернулся на веранду с бутылкой вина и двумя бокалами. – Если кому и необходимо снять стресс, так это тебе.

– Если выпью, упаду. – Элли зевнула, прикрыв рот рукой.

– Пара бокалов никому не повредит. – Джек открыл вино и протянул ей бокал.

Элли сделала первый глоток.

– Мерло. Всю ночь могу его пить.

– А вот это может и повредить. – Немного помолчав, Джек снова стал серьезным. – Теперь расскажи, о чем вы говорили.

Элли посмотрела на Джека через стекло бокала. Босоногая, в коротком халате, она, без сомнения, представляла собой привлекательное зрелище.

– Ты не слишком ли любопытен?

– Я журналист. Это накладывает отпечаток. Говори.

Она попыталась возразить и не смогла. Ей нужно выговориться. Лучше уж рассказать все незнакомцу, который вскоре уедет. А кстати, когда он уезжает? Вот о чем она спросила.

Джек задумался.

– Пока не знаю. Ты не против, если я останусь еще на пару дней? Мне нравится твой дом, – добавил он. Бокал Элли замер на полпути ко рту.

– Ты хочешь остаться, потому что тебе нравится мой дом?

– Я здесь отдыхаю душой, если не думать о предстоящем обсуждении Митча. – Джек повел обнаженным плечом. – Казалось бы, такие яркие цвета, но они успокаивают. Мне нравится шум моря, шум ветра. Мне нравится здесь.

– Спасибо. – Элли сделала еще глоток.

Вот бы и она понравилась ему так же сильно, как ее дом, но глупо рассчитывать на что-то, если они общались всего пару часов. Да и вообще, глупо об этом думать. Элли уже не старшеклассница, чтобы грезить о мальчиках сутки напролет.

Джек подлил вина ей, затем себе. Указал на этикетку:

– Отличное вино. Может, устроить себе экскурсию по винограднику с дегустацией?

– Это старое мерло. Мой друг Люк – владелец винзавода, а его невеста Джесс – рекламный агент моей булочной.

– Вот мы и вернулись к теме булочной. Продолжай. – Джек сидел на каменном выступе, скрестив ноги и прислонившись к деревянной балке.

Глядя в такие глаза, хотелось доверять ему, рассказать все.

Черт, этот парень умел разговорить собеседника. Элли улыбнулась:

– Эта булочная...

– Кому она принадлежит, кстати?

– Моей бабушке. Как ты успел заметить, «Пари» не только булочная, но также кондитерская и кофейня.

– Серьезный бизнес. Как вы управляетесь?

– Это моя забота. Пекари работают в две смены, выпечкой заведует моя подруга Мерри, я делаю торты для особых случаев, денежной стороной заведует моя мама. До недавнего времени мы великолепно справлялись.

– А что за торты для особых случаев? Свадебные?

– Не только. Вот, смотри!

Джек в изумлении уставился в экран ее мобильного.

– Элли, это потрясающе!

– Спасибо.

– Просто невероятно, торт выглядит в точности как туфля из крокодиловой кожи!

– Не просто туфля, а туфля от Кристиана Лабутэна.

– Кого?

– Знаменитый дизайнер обуви. Неужели не слышал?

– Я как-то больше по кроссовкам. – Джек отдал ей телефон. – И что пошло не так?

– Не то чтобы не так. Мерри ушла в декрет и вчера заявила, что продлит его.

– Прямо так и заявила?

Элли услышала недоверие в голосе Джека и быстро поправилась:

– Она попросила.

Джек нахмурился:

– А ты не смогла отказать?

– У меня не было выбора. Она может позволить себе не работать, а я не хочу заставлять ее.

– Ты. Не смогла. Отказать.

– Можно подумать, ты всегда отказываешь, когда не хочешь соглашаться, – рассердилась Элли.

– Возможно, и не всегда, но плясать под чужую дудку тоже не стану.

– Я не... – Элли попыталась возразить, но Джек видел ее насквозь.

Этот спор она не выиграет, потому что он прав. Поймет ли Джек, как часто она, взрослая самостоятельная женщина, сомневается в себе? Поймет ли он ее стремление всех порадовать и всем понравиться?

– Что еще? – спросил Джек, отхлебнув глоток вина.

Элли повертела бокал в руках.

– Моя мама на год ушла в отпуск. Она всегда мечтала о путешествиях, и на пятидесятилетие я подарила ей эту возможность. Теперь сожалею, зато мама на седьмом небе от счастья. Сделала татуировку, завела по меньшей мере одного любовника, заплела дреды.

– Тебя, кажется, больше печалят дреды, чем любовники.

Элли повела плечами.

– Я просто хочу, чтобы она вернулась. Она справлялась со всей бухгалтерией, да и вообще с ней намного лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.